

II. ОБЗОРЫ

O.E. СТОЛЯРОВА

ИДЕНТИЧНОСТЬ КИБОРГОВ: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ «CYBORG IDENTITIES»

(ОКТОВЕРЬ 21–22, 1999). – Mode of access:

<http://www.hum.au.dk/ckultruf/DOCS/PRO/hum2000/Thema2.htm1>

21–22 октября 1999 г. в Орхусе (Дания) состоялась (третья) конференция под названием «Идентичность киборгов» из заявленной общей серии конференций «Гуманитарные науки на рубеже тысячелетий», организованной Центром культурных исследований (факультет искусств, Орхусский университет). Темой конференции стала роль гуманитарных наук в осмысливании феномена технологически опосредованного существования человека в современном мире.

Современный индивид уверенно движется в окружении многочисленных кибернетических объектов. Д. Харавэй, автор «Кибернетического манифеста» (середина 80-х годов), определила кибернетический организм как гибрид биологических и технологических компонентов, обладающий как человеческими, социальными, так и нечеловеческими, т.е. механическими, характеристиками. Электронные привратники и контролеры, силиконовые трансплантанты, виртуальные интернет-корреспонденты, люди, перенесшие операции по изменению пола, продукты генной инженерии – все эти и другие объекты подобного рода стали неотъемлемой частью повседневной практики жизненного мира на исходе

¹ Обзор подготовлен на основе предварительных материалов конференции, разданных ее участникам. – Ред.

второго тысячелетия. Будучи привычной составляющей практической сферы, данные объекты порождают серьезные проблемы в теоретической сфере, ставя под сомнение многие «классические» парадигмы гуманитарных наук. Это происходит прежде всего потому, что кибернетические объекты как биотехнологические гибриды размывают устойчивые концептуальные границы между «искусственным» и «естественным», «человеком» и «вещью», «организмом» и «механизмом», «материальным» и «идеальным», «субъектом» и «объектом». Эти бинарные оппозиции представляли собой исходные элементы стиля новоевропейского мышления и определяли гуманитарный дискурс как на онтологическом, так и семантическом уровне. Однако технологии XX в. указывают на необходимость провести ревизию «классических» понятий, категорий и парадигм и пересмотреть наши фундаментальные представления о том, что мы есть.

Ниже предлагается обзор трех докладов по теме конференции: 1. Эндрю Пикеринг (университет штата Иллинойс, США) – «Объекты гуманитарных наук и кибернетическая эпоха» («The objects of the humanities and the time of the cyborg»); 2. Дон Айди (университет штата Нью-Йорк, Стони Брук, США) – «У нас нет двух возможностей: либо ситуативность, либо симметрия» («You can't have it both ways: Situated or symmetrical»); 3. Финн Олесен (Орхусский университет, Дания) в докладе «Слишком совершен – человеческий субъект в опосредованной реальности» («All too perfect – Human subjects in mediated reality»).

1. Э. Пикеринг ставит своей целью прояснить природу кибернетических объектов, с которыми неизбежно сталкиваются гуманитарные науки, когда обращаются к исследованию научно-технологической практики. Последняя представляет собой бесконечно открытое взаимодействие человека (ученого, инженера) и иного по отношению к человеку, будь то научная теория, технологический проект, лаборатории, институты, инструменты и т.п. Такая гетерогенная совокупность людей и «вещей» может быть названа «кибернетическим объектом» (Д. Харавэй), но все же этот биотехнологический гибрид следует считать скорее процессом, понимаемым как сцепление событий с человеческими и нечеловеческими субъектами действия. Помимо гетерогенности, кибернетические объекты обладают другим важным свойством – они имеют

временной характер. Еще одной их характеристик является их культурная изначальность и повсеместность: несмотря на специфический характер высокоразвитой науки и технологии второй половины XX в., у нас нет оснований считать формацию кибернетических объектов исключительной особенностью нашего времени.

В качестве иллюстрации кибернетического объекта-процесса докладчик приводит историю, опубликованную газетой «*New York Times*». Несколько лет назад в Соединенные Штаты начали импортировать азиатских угрей для их разведения в домашних аквариумах. Только что завезенные угри были маленькими безобидными созданиями, радовавшими любителей экзотики. Однако они стали расти и размножаться с невероятной быстротой. Достигнув нескольких футов в длину и отрастив острые зубы, угри превратились не только в опасных соседей других обитателей аквариумов, но и в угрозу для своих собственных хозяев: они пожирали другую рыбу, они выползали из аквариумов к ужасу владельцев, рискующих неожиданно столкнуться с зубастым монстром. Непригодных к жизни в домашних условиях угрей стали помещать в пруды. Но соседство с ними оказалось бедственным для местных видов рыб, популяции которых резко уменьшились, что обернулось снижением улова. Пытаясь избавиться от новой экологической проблемы, местные власти и инженеры осушили пораженные пруды, однако угри проявили большую устойчивость к временному отсутствию воды, чем прочая рыба. Отравление пораженных прудов хлором также не было успешным решением: угри приспособились к хлору намного быстрее других видов рыб. Оставалось только обнести неблагополучные пруды бетонными заграждениями, чтобы локализовать опасные популяции, но этот проект не был осуществлен, поскольку его успех заранее представлялся сомнительным: угри могли бы преодолеть и бетонные барьеры.

Эту историю докладчик считает характерным примером кибернетического объекта. Она является единым, ограниченным в пространстве и времени, историческим событием, «действующими лицами» которого выступают как люди, так и «вещи». Историческое действие внутри этого объекта не было сцентрировано ни в человеческой (владельцы угрей, рыбаки, инженеры), ни в нечеловеческой (угри, пруды и аквариумы, технологические приспособ-

ления) сфере, но являлось протяженным во времени взаимодействием двух этих сфер.

Чтобы сделать кибернетический объект предметом исследования, необходимо «схватить» это взаимодействие как темпоральную гетерогенную совокупность человеческих и нечеловеческих субъектов действия, как «танец двух партнеров», который представляет собой процесс непрерывного двустороннего становления с заранее неизвестным результатом. События в истории с угрями развивались, следуя внутренней логике перманентного взаимного корректирования исполнителей, без достижения какого бы то ни было стабильного и предсказуемого согласования между ними. Это был процесс открытого взаимоопределения человеческих и нечеловеческих субъектов действия, который может быть адекватно исследован только как кибернетический объект.

Возникает вопрос: насколько велик и значим для нас этот класс объектов? Если обратиться к академическому гуманитарному дискурсу, представленному в философской и социологической литературе, то можно подумать, что кибернетические объекты – весьма редкое явление. Традиционные дисциплины просто не замечают их. Однако гуманитарные науки, которые имеют дело с научной и технологической практикой, не могут не встречаться с подобными объектами прежде всего потому, что в этой области трудно избежать как проблематики времени и изменения, так и феномена взаимодействия человека (ученого, инженера) и «вещей» (инструментов, машин, организмов и т.п.): наука и технология суть безостановочное движение человеческих и нечеловеческих агентов.

При первых же попытках разработать детальный анализ индивидуальной научной практики непредвзятый исследователь убеждается, что научное экспериментирование имеет всеобщее и повсеместное качество «танца двух партнеров», где все человеческие атрибуты (намерения, действия, социальные отношения) непрерывно изменяются и принимают новые формы под воздействием также непрерывно становящихся нечеловеческих, «материальных», «исполнителей». Это – «научный вариант» инвариантного кибернетического объекта-процесса, и в нем следует отметить только два принципиальных отличия от процесса, описание которого мы находим в истории про угрей. Во-первых, в последней усилия человеческих и материальных субъектов действия были направлены

преимущественно на нейтрализацию друг друга, тогда как в истории науки имеет место, напротив, их взаимная активизация. Во-вторых, удельный вес теоретического знания и его концептуальных элементов в научной практике так же велик, как удельный вес материальных и социальных элементов, и все они должны быть поняты как непрерывно становящиеся в отношении друг к другу. Кибернетический объект научного исследования, таким образом, пополняется еще одним видом отношений, который Пикеринг называет интерактивной стабилизацией материальных исполнителей и концептуальных структур, перманентно корректирующей продукцию научного исследования внутри потока становления.

Анализ научной деятельности как кибернетического объекта смещает традиционную философскую и социологическую проблематику в сторону культур-релятивизма и подлинной историчности, поскольку позволяет тематизировать взаимосвязь и взаимоопределение знания и его объекта в предельно широком понимании всего мира, как на микроуровне индивидуальной практики, так и на макроуровне культур и целых популяций. В качестве примера гигантского кибернетического объекта докладчик приводит так называемую индустриальную революцию, где взаимодействующими «партнерами» выступают материальные исполнители (новые технологии, фабрики, индустриальные города), социальные исполнители (новые формы классов) и концептуальные субъекты действия (наука индустриальной эпохи). Макроуровень анализа, по мнению докладчика, позволил бы построить периодизацию всей истории человечества в терминах кибернетических объектов.

Причины, из-за которых мы зачастую склонны считать формуацию кибернетических объектов принадлежностью исключительно нашего послевоенного времени, состоят в особенностях науки и технологий второй половины XX в. Послевоенные наука и технология представляют собой непрерывно транслируемый образ биотехнологического гибрида: и материально, и концептуально они стирают границы между человеком и «вещью» в гораздо большей степени, чем это было в физике, химии или социологии XIX в. Можно говорить о многих из них как о кибернетических науках. Однако это подтверждает инвариантный характер кибернетического объекта: современные науки суть такая же конститутивная часть материальной, социальной и концептуальной совокупности нашей

эпохи, как, например, естественные науки XIX в. – конститутивная часть кибернетического объекта индустриальной революции.

Когда мы говорим о культуре как о процессе возникновения и уничтожения кибернетических объектов, мы имеем дело не только с пространственно-временным становлением, но и с внутренними трансформациями человеческих субъектов: личное восприятие, субъективные позиции, индивидуальные и социальные роли и характеристики – все это может быть адекватно «схвачено» только в контексте кибернетического объекта, следовательно, как биотехнологический феномен. В качестве примера Пикеринг приводит исследование В. Шивелбуша о трансформации в XIX в. визуального восприятия и отношения к окружающему под влиянием широко распространившегося способа железнодорожного передвижения: Шивелбуш указывает на так называемое панорамное видение, появление которого было связано с возникновением новой позиции наблюдателя – пассажира поезда – и в свою очередь вызвало к жизни новый научный дискурс.

Но если кибернетические объекты могут быть обнаружены на любом уровне культурного универсума и в любом масштабе бытия, невнимание к ним со стороны традиционных гуманитарных дисциплин становится серьезной проблемой для последних. Во второй части доклада Пикеринг переходит к обсуждению этой проблемы и ее причин.

Докладчик указывает на два фактора, которые определяют «ускользание» кибернетических объектов от академических гуманитарных исследований; первый он называет онтологическим, второй – темпоральным. Онтологический фактор очевиден. Традиционные гуманитарные дисциплины идентифицируют себя в контексте различия человеческой сферы и сферы «иного». Если предметом теоретизирования естественных наук и инженерии выступает материальный мир, то гуманитарные науки заняты оставшимся – миром «чистых социальных фактов», или собственно человеческой сферой. Данный дисциплинарный раскол универсума на две взаимоисключающие части делает формацию кибернетических объектов невидимой, так как она не может быть локализована ни в одной из этих сфер.

Если мы попытаемся сделать предметом академического исследования историю с угрями, то мы убедимся в неизбежном иска-

жении этого феномена. Биологи способны рассуждать о развитии определенной популяции рыб в определенных условиях, но они оказываются не в состоянии говорить об испуганных владельцах угрей или недовольных рыбаках. Социологи могут исследовать позиции рыбаков или любителей аквариумных рыбок, но не имеют дела с экологией прудов, пораженных угрями. Может показаться, что междисциплинарный подход был бы адекватен этого рода феноменам, однако эклектическая сумма различных дисциплинарных перспектив также не дает желаемого результата: своеобразие биотехнологического гибрида состоит именно в децентрированном и непрерывном взаимокорректировании человеческих и «материальных» субъектов действия.

Темпоральный фактор определяется особенностями восприятия времени, характерными для гуманитарных дисциплин. Классические академические дисциплины традиционно не обладают достаточным «чувством времени». Философия имеет дело преимущественно с вневременными категориями истины, добра, красоты и т.п. Социологию интересуют синхронные корреляции различных социальных феноменов, и даже там, где тема времени становится неизбежной, социология предпочитает говорить скорее о конечных причинах и предсказуемых следствиях, чем об открытом и непредсказуемом становлении. Таким образом, применив междисциплинарный подход к истории с угрями, мы, возможно, добились бы некоторого прогресса, анализируя онтологическое измерение этого кибернетического объекта, но, несомненно, не имели бы достаточных ресурсов для тематизации его временного характера.

Ситуация была бы совершенно безнадежной, если бы не несколько гуманитарных научных перспектив, которые выделяет Пикеринг в современном поле академических исследований в качестве потенциально открытых для работы с кибернетическими объектами. В первую очередь докладчик указывает на М. Фуко как хорошо известного и влиятельного историка, философа и социолога, чьи труды выходят за пределы «классических» дисциплин. Анализ человеческого субъекта действия, предпринятый Фуко в работе «Надзор и наказание», приближает его понимание субъективности к нашей концепции субъекта как одного из «исполнителей» в гетерогенном (человек – «вещь») становлении. В противоположность

традиционному пониманию субъекта как носителя автономной самости, Фуко имеет дело с конституированием субъективности, которая представляет собой материальный участок, тело, испытывающее воздействие внеположенных материальных «исполнителей» и регулируемое ими.

Однако гетерогенные совокупности Фуко не полностью совпадают с кибернетическими объектами. Несмотря на то, что Фуко подчеркивает материальные и технологические аспекты конституирования субъективности, они не играют той самостоятельной роли, какая отводится материальным партнерам человека в рассматриваемых биотехнологических гибридах. «Вещи», которые фигурируют в исследованиях Фуко, не являются полноправными «действующими лицами», но представляют собой, скорее, ресурсы, корректирующие рефлексивные усилия человеческих субъектов действия или социальные отношения. К тому же концепции времени и изменения, предложенные Фуко, не вполне адекватны темпоральным характеристикам кибернетических объектов. В «Археологии знания» Фуко анализирует теоретический дискурс как инвариантный и вместе с тем исторический феномен, как специфический и конечный универсум предустановленных элементов, комбинирование которых в том или ином историческом контексте продуцирует новые виды дискурсивных практик. Но бесконечно открытое становление, характеризующее любой кибернетический объект, принципиально не сводимо к сочетанию преданных элементов.

Таким образом, Фуко следует считать переходной фигурой от «классических» к «постклассическим» парадигмам гуманитарных наук: с одной стороны, он попытался историзировать и децентрировать познание и субъективность, с другой – во многом остался верен некоторым «классическим» моделям, сохраняющим онтологическую невидимость кибернетических объектов. Современным гуманитарным наукам необходимо иметь в виду перспективы, намеченные Фуко, но двигаться дальше, за пределы его работ, в зону более глубокого пересечения людей и «вещей», и за пределы «классических» концепций времени и временности, к тем, которые были бы адекватны темпоральным характеристикам этого пересечения.

Пикеринг считает, что искомые «постклассические» концепции времени могут быть сформулированы, скорее, при обращении

гуманитарных наук к естественным, чем извлечены из какой бы то ни было традиции философии времени, хотя бы даже из континентальной – от Гегеля до Хайдеггера. Последняя весьма богата, но не отвечает вызову современного мира высоких наук и технологий. Подходящим местом для старта могла бы стать, например, эволюционная биология со своей теорией изменения видов. Теория эволюции – это изображение бесконечного становления во времени. И, добавив сюда экологическую идею о том, что виды изменяются в отношении к окружающей среде, которая, в свою очередь, изменяется в отношении к видам, мы получим концепцию коэволюции, очень похожую на то, что мы назвали «танцем двух партнеров», взаимно корректирующих друг друга.

Исключительно плодотворным для гуманитарных наук было бы их обращение к так называемым кибернетическим наукам, присутствием которых отмечено наше постсоветское академическое пространство. Прежде всего это кибернетика, системная теория, теория хаоса, клеточная инженерия, науки комплексности и т.п. Все эти дисциплины имеют дело со свойствами сложных систем, не разделяя человеческую и нечеловеческую сферы. Например, кибернетика, которую можно считать прототипом подобного рода дисциплин, была охарактеризована Н. Винером как наука о людях, животных и машинах. Таким образом, данные дисциплины уже больше 50 лет имеют дело с гетерогенными совокупностями и, следовательно, открыты для онтологического измерения кибернетических объектов. Но не менее важно и то, что они суть науки становления и изменения, которые исследуют самоорганизующиеся системы в противоположность вневременным и статичным объектам «классических» дисциплин.

В заключение Пикеринг подчеркивает необходимость диалога между гуманитарными и кибернетическими науками, который уже начат такими философами, как И. Стингер, Ж. Делёз, М. де Ланда, и который будет, по мнению докладчика, определять траектории гуманитарных наук в следующем тысячелетии.

2. Дон Айди анализирует постклассические гуманитарные исследования, имеющие дело с наукой и технологией во второй половине XX в. Он указывает еще на трех авторов, которые разработали собственные концепции материальных измерений теоретического знания в противоположность «классическому» анализу его

спекулятивных аспектов. Все эти концепции имеют разные названия, но все они описывают научную практику как процесс взаимодействия человека и «вещи». Докладчик называет это взаимодействие отношением человек–технология, Б. Летур – отношением человеческое–нечеловеческое, Д. Харавэй – киборгами, А. Пикеринг – «отжимным катком» практики, соединяющим вместе человека и механизм.

Данные подходы можно считать характерными примерами дискурса эпохи постмодерна, так как их авторы настаивают на материальной локализации теоретического знания (ситуативность) и постулируют некоторый род симметричных отношений человека и «вещи». Однако возникает вопрос: в какой мере то, что мы называем ситуативным знанием, допускает симметрию между своими человеческими и технологическими компонентами? Ответив на этот вопрос, мы приблизимся к пониманию того, что могут и должны сказать гуманитарные науки о свойствах кибернетических объектов.

В первой части доклада «Знания в эпоху постмодерна» Айди обращается к эпистемологическому дискурсу постмодернизма, одной из особенностей которого следует считать деконструкцию трансцендентализма и фундаментализма и смещение акцента с универсального, всеобщего и необходимого знания на «локальные знания» и частные познавательные практики. Современная философия предпочитает говорить о знании как имеющем определенные и опосредующие его время и место; экзистенциальная и герменевтическая феноменологическая традиция, к которой докладчик причисляет себя, называет это телесностью, или воплощенностью знания. Субъект познания всегда локализован, он есть тело, и это необходимо учитывать при любом анализе знания.

Несмотря на очевидность телесной позиции познающего субъекта, история новоевропейской эпистемологии – это по преимуществу история усилий, направленных на его «развоплощение». Традиционная эпистемология, эмблемой которой стало картезианство, не принимала во внимание «материальные составляющие» дискурсивной практики. Последние суть разнообразные «тела» – от собственно биологического тела познающего субъекта до целого ряда «культурных тел» и технофактов, включенных в познавательную ситуацию и «маркирующих» воплощенное знание. Стремление современной философии преодолеть картезианскую модель заключается в том, что дискурсивная практика рассматривается как

процесс взаимодействия человека и материальных факторов (большая часть которых – технофакты), который продуцирует знание того или иного вида, т.е. знание, опосредованное определенной познавательной ситуацией. При этом его материальные составляющие должны быть поняты как «эпистемологические двигатели», обеспечивающие парадигматические метафоры для самих знаний. Деконструкция традиционных эпистемологий способна продемонстрировать, что они сами не свободны от воздействия эпистемологических двигателей, и показать скрытые в них «тела».

В части доклада «Тела» Айди указывает на два измерения понятия «тело», одно из которых соответствует стратегиям философии М. Мерло-Понти, другое – философии М. Фуко. «Тело 1» – это экзистенциальное тело жизни, здесь и сейчас локализованный перцептивный опыт, который Мерло-Понти называет *corps vécu* и описывает его как константу любого опыта и, соответственно, условие любого знания. «Тело 1» должно быть понято не как механический объект, доступный непосредственному или ретроспективному восприятию, но как интерактивное отношение индивида и опытно воспринимаемого мира, при котором я «знаю» мою телесность посредством активного бытия в мире, как модус моей практики, рефлексивно направляющей мое внимание к нулевой точке моей телесной позиции.

Понятие «тело 2» соответствует предложенной Фуко концепции культурно, или социально конституированного тела. Оно есть совокупность транслируемых культурой значений, «нанесенных» на «тело 1», которое тем самым получает культурную перспективу: оно выступает как мужское или женское, имеющее определенный возраст, ту или иную национальность и т.д. Таким образом, телесность познающего субъекта – это его перцептивная открытость миру на микроуровне «тела 1» и на макроуровне «тела 2», которая представляет собой практику и действие внутри окружающего мира и в отношении к нему и является практически перцептивным, «материальным» контекстом любого знания.

В третьей части «*Camera obscura*» Айди предпринимает феноменологическую деконструкцию новоевропейской эпистемологии с целью выявить опосредующие «механизмы» взаимодействия тел и технофактов, имплицитно присутствующих в этом дискурсе, как и в любом другом. Докладчик указывает на парадигматическую

роль, которую играет *camera obscura* (технофакт) и практика ее использования в формировании теоретико-познавательных моделей Нового времени.

Зрительные эффекты *camera obscura* были оценены в эпоху Ренессанса, когда этот инструмент становится одной из любимых технологических забав. Принцип действия *camera obscura* и изображения, полученные с ее помощью, оказали влияние на живопись и науку. В начале Нового времени Галилей использовал ее вариант при создании оптических приборов. Но не менее важно также то, что и Декарт, и Локк обращаются к ней как к эпистемологической модели. Картезианский субъект находится как бы внутри *camera obscura*, не имея непосредственного доступа к *res extensa*, но, получая «впечатления» внеположенных вещей, которые проникают внутрь камеры (тела) и ложатся на рецептор (сетчатку глаза), где формируются изображения, репрезентирующие их. Это эквивалент локковой *tabula rasa*, на которую падают образы (идеи) внеположенных вещей.

И в том, и в другом случае перед нами модель, из которой была развернута новоевропейская эпистемология с ее индивидуализированным субъектом, замкнутым в объект, и опосредованным репрезентативным знанием о внешнем мире. Новоевропейский субъект как воспринимающий экран *camera obscura* не обладает доступом к вещам внешнего мира, но имеет дело только с их изображениями. Однако здесь возникает проблема: что может гарантировать нам соответствие реальной вещи и ее изображения? Как известно, Декарт вводит «эпистемологического Бога», идеального высшего наблюдателя, который способен подтвердить и гарантировать это соответствие.

В чем заключается феноменологическая деконструкция «трансцендентальной позиции» Декарта? С одной стороны, она показывает парадигматическую роль *camera obscura* (материально-гого агента) в человеческой познавательной практике. Картезианское *cogito* было «технологической фантазией», артефактом, использованным для моделирования познания. С другой стороны, она вынимает субъекта из камеры и помещает его в мир. Это происходит следующим образом. Если мы зададим вопрос: где находится сам Декарт, когда он выносит суждения о знании, которое он получает, то наш ответ будет: одновременно внутри и снаружи камеры. Де-

карт сам занимает привилегированную «божественную» позицию, так как он в состоянии подтвердить или опровергнуть соответствие внеположенных вещей и их изображений. Декарт уже знает это соответствие, поскольку он занимает «здесь» позицию, откуда он «видит» и камеру, и субъекта, и внешний мир. Следовательно, Декарт находится в позиции телесного бытия с перцептуальной перспективностью, т.е. такого бытия, которое уже застает себя в мире до любого возможного анализа сознания и которое «знает себя» только на возвратном пути, отталкиваясь от опыта мира. Таким образом, мы деконструируем «трансцендентальную позицию» Декарта, устанавливаем ситуативность любого знания и возвращаемся в эпоху постмодерна.

В четвертой части «Семиотика и симметрии» Аиди обращается ко второй особенности современного «постклассического» эпистемологического дискурса – к постулированию симметричных отношений между человеческими и материальными агентами, которое имеет своим истоком континентальную семиотическую традицию и структурализм.

Семиотика возникает в рамках общей теории значений и рассматривает весь мир как систему знаков, в которой нет других различий, кроме различий между словами. Семиотика философски и исторически относится к структурализму и общей лингвистике, непосредственным и до сих пор влиятельным предшественникам постструктурализма, постмодернизма и деконструкции. Теория общей лингвистики Ф. Соссюра строится на различии между языком и речью. Язык представляет собой систему ограниченного количества знаков с неограниченным количеством их возможных комбинаций, составляющих лингвистические значения.

Эта теория содержит в себе две моделирующие идеи. Во-первых, язык становится «объектом», или системой, закрытой и конечной в отношении к своим единицам, что также трансформирует любой объект изучения: теперь мы имеем дело не с «голым», но с помещенным в контролируемый контекст объектом. Во-вторых, в язык импортируется письменность, или, точнее, фонетическое письмо. Для лингвистов все слова составлены из атомов языка – фонем, которые, хотя не идентичны буквам, но также ограничены по количеству и могут быть подведены под понятие «системы». Эта стратегия деконструирует живую речь в атомы и вклю-

чает ее в язык-как-объект. Речь превращается в совокупность возможных изменений внутри языка, а язык, в свою очередь, становится «трансцендентальным» по отношению ко всем возможным значениям. Но позволяет ли эта стратегия говорить о ситуативном знании? Докладчик отвечает на этот вопрос отрицательно.

Во-первых, структурная лингвистика и семиотика содержат в себе такую методологию деконструкции картезианского субъекта, которая в значительной степени отличается от феноменологической. В семиотической перспективе субъекты суть просто операторы некоторого ряда лингвистических или семиотических возможностей. Все, что имеет значение для субъекта, получает это значение только внутри системы языка. И, несмотря на то, что эта стратегия, как и феноменологическая, деконструирует картезианское сознание наблюдателя, она имеет дело только с означивающей деятельностью лингвистического типа. Следовательно, здесь мы находим некартезианскую версию картезианского разнопланения *cogito* в противоположность феноменологической деконструкции, которая открывает доступ к практически перцептивной телесной позиции субъекта.

Во-вторых, структурная семиотика позволяет уравнивать различия и делает возможной радикальную симметрию: все значения – это просто трансформации знака – означенного. Так, внутри структурной системы мы получаем равноправных человеческих и нечеловеческих субъектов действия, что воспроизводит в новом посткардезианском оформлении картезианский «взгляд ниоткуда»: кто судит об этой симметрии?

В третьих, семиотика, «текстуализируя» мир, сводит его к языку. И если в этом контексте мы сохраним наше направление на практику и действие, то любое действие сведется к созданию текстов. Здесь мы снова попадаем в посткардезианскую ситуацию, в которой, однако, имеет место еще одна версия картезианской редукции мира к *res extensa*: семиотически весь мир есть текст, читаемый невидимым читателем.

В пятой части «Обманчивых симметрий» Айди показывает, что семиотически обоснованное постулирование симметричных отношений между человеком и «вещью» неизбежно вступает в противоречие с концепцией феноменологически обоснованного ситуационного знания.

Континуум разнообразных «симметрических стратегий» имеет два предела онтологической однородности. Один есть разновидность новоевропейского редукционизма (физикализма) со свойственными ему строгим упразднением всех видов антропоморфизма, использованием абстрактных, математических формулировок, сведением всех сущностей к переменным одной системы «вещей». Другой предел есть то, что Айди называет «новой социально-антропоморфической редукцией», которая представляет собой инверсию физикализма. Здесь материальные агенты получают социально-антропоморфные характеристики: они полноправные действующие лица, наделенные квазиинтенциональностью. Все сущности также сведены к переменным одной системы «человеческих характеристик».

Промежуточную позицию занимают «квазисимметрии», которые представлены, в частности, в работах Д. Харавэй и Э. Пикеринга. Эти авторы указывают на симметричные отношения между человеческими и материальными агентами, но при этом сохраняют концепции ситуационного знания. Харавэй стремится представить группы гетерогенных элементов как комплексные единства – кибернетические гибриды с размытыми не только семиотическими, но и органическими границами между оппозициями «природа – культура», «созданное – рожденное», «человек – животное» и т.п. Это предписывает анализировать взаимоотношения гетерогенных элементов без редуцирования их к онтологической однородности, следовательно, без радикальной симметрии. Подход Пикеринга состоит в исследовании «отжимного катка практики», который представляет собой совокупность людей и «вещей», чье непрерывное взаимодействие определяет направление и природу прогресса. Пикеринг допускает взаимозаменяемость человеческих и материальных субъектов действия в этом процессе, но вводит понятие «интенциональности», присущей только человеческим субъектам действия. Концепция интенциональности как планированных и мотивированных человеческих действий сохраняет ситуационность знания и неизбежно разрушает симметрию людей и «вещей».

Таким образом, «симметрические стратегии» постмодернизма вновь возвращают нас к функциональным эквивалентам картизанства, которое постмодернизм стремится преодолеть. Несовмес-

тимость «симметрических стратегий» и концепции ситуационного знания очевидна. Мы не можем говорить о материальных составляющих ситуационного знания как о равноправных субъектах действия. Но что тогда мы можем сказать о них?

В шестой части «Кибернетических технологий» Айди отмечает, что мы должны говорить о «материальных агентах» как об эпистемологических двигателях, которые, будучи материальным контекстом нашего телесного существования, изменяют наши тела и наше самосознание.

Докладчик анализирует современные компьютерные технологии как «эпистемологические двигатели» гуманитарного дискурса нашей эпохи. Компьютерные технологии, также как и *camera obscura*, продуцируют изображения. Это может быть виртуальный мир компьютерной графики или тексты e-mail корреспондентов, замещающие реальных персонажей. Однако здесь имеет место принципиально иная, некартезианская, эпистемология. Современный субъект, считывающий информацию с экрана компьютера, отличается от картезианского субъекта, помещенного в *camera obscura*, прежде всего тем, что он не ставит вопрос о соответствии компьютерных изображений и реального мира. Мир на экране – вымышленный, он не копирован, а конструирован отсутствующим программистом или участниками электронной переписки. Индивид, взаимодействуя с компьютером, сам становится создателем фантазийного мира, изменяя виртуальные траектории в соответствии со своими задачами и перспективами.

Современные компьютерные технологии играют такую же парадигматическую роль в эпистемологическом дискурсе постмодернизма, какую *camera obscura* играла в картезианской эпистемологии. Докладчик считает, что эпистемология модернизма представляет собой «технологическую фантазию» в той же мере, что и новоевропейские теоретико-познавательные модели. Репрезентации *camera obscura* уступают место варьируемости изображений, ее позициональность – мультипозициям, субъект-наблюдатель (читатель) – активному субъекту-сценаристу, всеобщие и необходимые характеристики сознания – ситуативным характеристикам. На смену спекулятивной эпистемологии приходит эпистемология практики и действия.

В заключение докладчик подчеркивает, что гуманитарные науки, которые обращаются к «кибернетическим объектам», должны тщательно избегать как «натуралистических», так и «семиотических» редукций. Исследование любого рода «кибернетических объектов» должно быть исследованием жизненного мира как смыслового поля, непрерывно конституируемого человеческими субъектами в их практическом отношении к окружающему.

3. Финн Олесен рассматривает онтологическое измерение «человеческого субъекта» как существа, традиционно противопоставленного остальному миру в европейском философском и социологическом дискурсе. Докладчик указывает, что современный, технологически текстуированный, мир разрушает это противопоставление, так как трансформирует традиционные характеристики автономного субъекта, сообщая им новые, технологически опосредованные, значения. В современную эпоху философская антропология пополняется концепциями и исследованиями киборгов. Фигура киборга является антиподом самостоятельного и самодостаточного человеческого субъекта, который теперь может достичь самореализации только как полуавтомат.

Истоки новоевропейского понимания человека как единственного среди прочих вещей мира автономного субъекта действия можно обнаружить уже в философии Платона и Аристотеля. Греческая философская антропологическая традиция в сочетании с иудеохристианской концепцией души дала жизнь доминирующей впоследствии идее «внутреннего человека». Августин первым сформулировал эту идею, соединив греческое понимание мира как упорядоченного универсума, отвечающего трансцендентной идее гармонии, с христианским образом Божественного Слова, творящего мир, и человека как причастного к этому Слову. Человек должен быть обращен внутрь себя для того, чтобы воспринять трансцендентное слово: «Истина обитает во внутреннем человеке». Это – радикальное перемещение фокуса от внешней деятельности к внутренней активности самосознания, способного гарантировать истинное знание и правильное поведение.

Начиная с V в. идея «внутреннего человека» стала лейтмотивом европейской культуры и субстратом новоевропейского субъективизма. В XVII в. Декарт сделал персональное самосознание аксиоматической точкой отсчета, из которой может быть дедуци-

ровано любое знание о реальности и, соответственно, все его этические компоненты. Рефлексирующий субъект превращается в абсолютно самодостаточную духовную субстанцию, которая извлекает из самой себя исчерпывающие, «ясные и отчетливые», представления о действительном состоянии вещей. Замкнутый на себе самом картезианский субъект окончательно противопоставляется остальному миру, включая собственное тело. Только занимая нейтральную по отношению к вещам внешнего мира позицию, нигде не локализованная духовная субстанция способна достичь эпистемологической очевидности.

Таким образом, эпистемологический субъект освобождается не только от материальных составляющих дискурсивной практики, но и от греческого Космоса и христианской традиции, т.е. от любых внеположенных и предустановленных смыслов. Истинное знание не может быть транслировано и пассивно воспринято, оно должно быть извлечено из самой субъективности и рефлексивно удостоверено индивидуальной рациональностью. Иначе говоря, картезианский субъект сам для себя формулирует необходимые стандарты жизненной практики, адекватные его собственным определениям упорядоченного универсума, его собственным представлениям о гармонии и благе и не нуждается в апелляции к внеположенным критериям и авторитетам. Это означает тотальный контроль персонального разума над всеми жизненными сферами, десакрализацию этих сфер и превращение их в функции независимого разума.

Самостоятельный и деятельный субъект реализует себя как преобразователь мира. Его задача – быть движущей силой прогресса, изменяя мир в соответствии с принципами разума. Развитие наук и технологий в XVII–XVII вв. питалось стремлением реформировать материальную и социальную культуру, исходя из требований, которые предъявляла к ним рациональность. Прогресс был понят как реализация во внешнем мире принципов субъективности, как овеществление разума. Бурный рост производства, изменение условий жизни, модернизация социальных институтов – все это результаты деятельности «новоевропейского субъекта», принципиально направленной на «упорядочение» мира.

Однако постепенно вдохновляющее сознание неограниченных возможностей человеческого разума сменяется разочарованием в

них и страхом оказаться в пленау овеществленной субъективности. Независимость субъекта оборачивается властью материальной культуры, что вызывает возрастающее недоверие к рациональности самой по себе. Так, Бек говорит о том, что в нашу эпоху модернизация достигла такой рефлексивной стадии, на которой она пытается модернизировать уже самое себя, откликаясь тем самым на собственные драматические результаты. В центре анализа Бека находится современная критика конститутивной роли научного знания, поскольку в последние десятилетия традиционный образ науки как движущей силы рационального преобразования мира все больше ставится под сомнение. Различные социальные группы обвиняют науку в том, что ее благие цели зачастую оборачиваются глобальными бедствиями, и эта критика свидетельствует о нестабильной позиции «кардезианского субъекта» в современном мире. Кроме того, указывает Бек, настоящая стадия рефлексивной модернизации культуры характеризуется изменением самоидентификации субъекта, который больше не считает себя причиной социальных изменений, как если бы они следовали из его *a propri* рефлексий, но становится результатом изменяющихся социальных структур, вынуждающих его принять участие в их модернизации.

Таким образом, «кардезианский субъект» «не вписывается» в современную жизнь, что вызывает наше стремление выйти за пределы эпохи субъективизма. Но преодоление «новоевропейского субъективизма» содержит в себе множество трудностей. Прежде всего, мы являемся преемниками этой интеллектуальной традиции и во многом продолжаем оставаться внутри нее. Мы заимствовали наш теоретический инструментарий из новоевропейской науки и поэтому испытываем элементарный недостаток слов, чтобы определить новоевропейский дискурс, «засечь» его пределы. К тому же подавляющее большинство наших теорий, концепций и научных методологий продолжает быть сцентирировано на человеческом субъекте. Мы не обладаем и не можем обладать фундаментальным знанием о «материальных субъектах действия» (машинах, технологиях, артефактах), так как в нашем представлении любое целенаправленное действие по-прежнему необходимо связано с рациональным субъектом картезианского образца и остается его прерогативой.

Мы с готовностью принимаем на себя специфически человеческий вид моральной ответственности за любые действия, который также противопоставляет нас всему остальному миру. Субъект, превратившийся в Новое время в этический абсолют, присваивает себе исключительное право моральной ответственности за все происходящее и, следовательно, исключительное право быть сознательным действующим лицом. Окружающие нас вещи продолжают оставаться для нас пассивными объектами, испытывающими на себе воздействие активного субъекта, который, как пилот за рулевым штурвалом, управляет миром.

Альтернативу этой традиции докладчик видит в некоторых современных антропологических стратегиях, которые имеют дело с исследованиями материальной культуры («Material culture studies»), а также в новых философских подходах к отношению «человек–технологический артефакт», разрабатываемых такими философами, как Дон Айди, Э. Пикеринг, М. Калон, Бруно Летур, Дона Харавэй и др. При всех различиях этих альтернативных концепций их объединяет специфический «поворот» к артефактам, который характеризуется переоценкой роли «вещей» в жизненной практике: «вещь» перестает быть пассивным объектом и рассматривается в качестве либо «диалогового объекта», либо квазисубъекта действия.

Это многообещающая перспектива, так как в ней заключена возможность преодолеть два существенных недостатка традиционных гуманитарных теорий. Во-первых, оставаясь в рамках картезианской традиции, мы не замечаем развития и самоорганизации «вещей», так как противопоставленные нам материальные объекты суть овеществленное «всеобщее и необходимое» знание, которое, следовательно, абсолютно стабильно и невариабельно. Во-вторых, традиционная дихотомия активного человека и пассивного артефакта делает нас «нечувствительными» к множеству символических измерений, которые имеют «вещи». Однако достаточно вспомнить о фетишиях, чтобы понять значимость артефактов.

В современных нетрадиционных дискурсах, которые отвечают на новые запросы нашей технологически опосредованной жизни, критически исследуется соотношение «человек–вещь». Например, Бруно Летур говорит о том, что мир населен гибридами: временами им делегирован статус субъектов, временами – объектов. Это позволяет увидеть, что границы между человеком и артефактом го-

раздо более сложные и расплывчатые, чем принято думать, и что сохранение предельного семантического и онтологического противопоставления разума и материи по меньшей мере проблематично. Это также указывает нам на необходимость деконструкции новоевропейской эпистемологии с целью прояснить основания базовых концепций, фиксирующих людей и «вещи» в качестве «субъектов» и «объектов» с неизменными характеристиками. Современный мир не оставляет нам выбора.